

Обычно Янь Но общался с Цинь Чжицзянем легко и непринужденно, шутил и смеялся, но между ними всё равно сохранялась невидимая преграда.

Однако после недавнего происшествия Янь Но точно нащупал нужную струну — и последняя трещина в их отношениях наконец исчезла. Раньше инициатива формально исходила от него, но по сути ведущим оставался Чжицзянь. Теперь же Янь Но проявлял её совершенно искренне и без стеснения, а господин Цинь, кажется, окончательно к этому привык.

Пятидневный цикл подошел к концу, настало время обновлять временную метку. Янь Но не стал ждать напоминаний: сам тщательно вымылся в душе и послушно явился к Цинь Чжицзяню.

— Господин Цинь, я сменил гель для душа! С ароматом клубники. Попробуйте, вам нравится?

Погода постепенно теплела, поэтому Янь Но сменил плотную плюшевую пижаму на тонкую хлопковую с забавными принтами.

Привычным движением он оттянул ворот у самой железы. Цинь Чжицзянь окинул взглядом обнажившуюся белизну кожи и округлое плечо — и вдруг замер, чувствуя, что не может заставить себя сделать укус.

Аромат шоколада переплелся с клубничной нотой, витая в воздухе. Янь Но стоял перед ним, словно кусочек нежного шоколадного торта, украшенный свежей ягодой, и кротко ждал, когда его наконец попробуют на вкус.

Омега радовался обновке, и от этой искренней детской радости его феромоны стали слаще в несколько раз. Ему и в голову не приходило, насколько рискованно омеге вести себя подобным образом перед альфой.

Не дождавшись ответа, Янь Но нетерпеливо повел плечом и поторопил:

— Господин Цинь, ну же, кусайте скорее! Мне в одиннадцать уже пора спать.

Ишь какой торопыга — спешит больше самого Чжицзяня! Цинь Чжицзянь одновременно усмехнулся и качнул головой. Потянув край пижамы вверх, он прикрыл манящее плечо, от вида которого пересыхало в горле, и лишь затем медленно вонзил зубы в железу.

Острые клыки проперфорировали чувствительную ткань. Хотя Янь Но обновлял метку уже не в первый раз, он всё равно судорожно выдохнул через сжатые зубы. Феромоны Цинь Чжицзяня хлынули в его организм, каплей за каплей наполняя тело. Врожденный инстинкт заставлял альфу пропитывать омегу своим запахом до последнего дюйма, чтобы любой, кто окажется рядом, сразу понял: этот омега принадлежит ему.

Янь Но от природы был поразительно невинным и глухим к подобного рода романтической или чувственной истоме. Врожденные механизмы омеги на него будто не действовали. Он лишь едва заметно повел носом, улавливая терпкий аромат альфы, и вдруг глубокомысленно заметил:

— Я слышал, что при постоянной метке феромоны партнеров смешиваются. Если вы поставите мне постоянную метку, я стану шоколадкой со вкусом кофе? Причем очень горького, с высоким содержанием какао?

Цинь Чжицзянь, находившийся в невероятно уязвимом и чувствительном состоянии из-за процесса мечения, от этих вроде бы невинных слов ощутил укол внезапного возбуждения. На лбу у него вздулась венка; потребовалось немалое усилие воли, чтобы не впиться клыками в эту шею повторно.

— Это совершенно разные вещи, — сдержанно пояснил он, справившись с дыханием. — Одно дело — вкусовая добавка, а другое — классификация по содержанию сухих веществ какао.

Янь Но задал вопрос чисто из любопытства, не ожидая в ответ сухой лекции, поэтому лишь смущенно кивнул, мало что поняв.

Цинь Чжицзянь тщательно поправил на нем пижаму и произнес:

— Иди спать.

— Хорошо! — Янь Но расплылся в искренней, сладкой улыбке и обеими руками протянул ему свой смартфон. — Доброй ночи, господин Цинь.

— Доброй ночи, — ответил Цинь Чжицзянь, провожая взглядом юношу, который, словно кролик, жизнерадостно ускакал к себе.

Говорят, привычка формируется за двадцать один день — и это чистая правда. Не прошло и трех недель, как биологические часы Янь Но настроились на идеальный лад. Раньше, когда он вел ночной образ жизни, это казалось веселым, но платить приходилось бессонницей: тело изнывало от усталости, а мозг категорически отказывался отключаться. Теперь же стоило ему опустить голову на подушку, как он мгновенно проваливался в крепкий сон.

Однако на сей раз спал он недолго. Из дремы его вырвал настойчивый, громкий стук в дверь, к которому примешивались какие-то странные звуки... похожие на плач.

Плач?.. Цинь Чжицзяня?!

Янь Но мгновенно распахнул глаза. Теперь доносившиеся из коридора всхлипы, рыдания и бессвязные возгласы стали предельно отчетливыми. Сон слетел в секунду. Забыв про тапочки,

Янь Но спрыгнул с кровати и опрометью бросился к двери.

Едва он повернул замок и распахнул створку, как на него обрушилась лавина густых, удушающих феромонов альфы.

Но куда страшнее феромонов оказалось само тело Цинь Чжицзяня...

Мужчина ростом под метр девяносто — разве мог устоять против него хрупкий Янь Но со своими ста семьюдесятью пятью сантиметрами? Застигнутый врасплох, юноша не удержался на ногах и вместе с ним рухнул на пол.

Цинь Чжицзянь мертвой хваткой вцепился в Ноно, уткнувшись лицом в его шею. Из его груди вырвался полный отчаяния и детской обиды стон:

— Почему ты заперся?! Зачем ты закрываешься от меня? Ты что... так сильно меня бережешься?!

— Да нет же! — отчаянно запричитал Янь Но, пытаясь оправдаться. — Я заперся, чтобы среди ночи не сбежать в вашу комнату за телефоном! Я от самого себя закрылся!

— Врешь! — рыдал Чжицзянь, не слушая аргументов. — Ты закрылся от меня! Тебе даже феромонов для меня жалко! У-у-у...

Плач мужчины становился все громче и безудержнее. Голова Янь Но шла кругом. Услышав про феромоны, он тут же спохватился и, как в прошлые разы, превратился в живой очиститель воздуха, принявшись изо всех сил генерировать сладкий аромат.

Альфа стиснул его еще сильнее, с жадностью уткнувшись носом прямо в зону железы. Каждый глубокий вдох наполнял его легкие желанным запахом омеги, а горячий выдох обжигал чувствительную кожу, даруя мятущейся душе альфы долгожданный покой и высшее блаженство.

Бедный Янь Но, абсолютно не понимая происходящего, боялся даже шевельнуться.

Что случилось? Почему у господина Циня опять приступ? Мы же только что обновляли временную метку! Неужели... неужели мои феромоны перестали действовать?

От этой мысли к горлу подступил горький ком, а в глазах зашипало от неожиданных слез.

Цинь Чжицзянь, почувствовав сырость, жалобно спросил:

— Ты почему плачешь? И почему ты меня не обнимаешь?

— Да обнимаю я вас! — всхлипнул Янь Но.

— Плохо обнимаешь! Вот тут, и вот тут... — Альфа стал беспорядочно тыкать пальцами в свои бока и спину, продолжая плакаться: — Вот здесь вообще не обнял!

Янь Но потерял дар речи от такой детской непосредственности. Утерев слезы о пижаму Чжицзяня, он проворчал:

— Вы же размера на два больше меня! Чтобы обнять вас целиком, мне нужно превратиться в пододеяльник!

Едва эти слова слетели с его губ, как Цинь Чжицзянь протянул руку, дёрнул висевшее на краю кровати одеяло и накрыл им обоих с головой. Альфа скрупулезно укутал их, словно в кокон, не оставив ни единой щели.

Лишь закончив эту манипуляцию, он удовлетворенно вздохнул.

В непроглядной тьме под одеялом Янь Но услышал тихое, довольное похмыкивание над самым ухом и, все еще всхлипывая, тихо спросил:

— Чему вы радуетесь?

— Теперь везде твой запах, — Цинь Чжицзянь немного приподнялся и нежно прикоснулся губами ко лбу омеги. — Яньнянь... ты так чудесно пахнешь.

Внезапный поцелуй и это ласковое обращение, которое он слышал впервые в жизни, прозвучали с такой глубокой, трепетной нежностью, что сердце Янь Но заколотилось как сумасшедшее.

Горячие слезы альфы попали ему на щеку. Потрясенный Янь Но попытался отстраниться, отпрянув назад, а в голове всплыли инструкции врача по купированию приступа: выброс феромонов, объятия, поцелуи...

Нет! Поцелуи исключены! Они ведь не любовники, им нельзя целоваться!

Однако разум, затуманенный болезнью, несколько не притупил инстинкты альфы. Словно матерый хищник, он мгновенно сжал объятия, пресекая попытку бегства:

— Не смей уходить!

Край одеяла соскользнул, и в спальню проник бледный лунный свет.

— Я не уйду... — дрожащим голосом отозвался Янь Но. Собравшись с духом, он оттянул ворот пижамы и послушно повернул голову, подставляя шею, словно жертва на алтаре: — Вот... временная метка.

— Я тебя уже пометил! — в плачущем голосе альфы просквозила странная гордость. В затуманенной памяти всплыли смутные воспоминания: в прошлый раз этот омега точно так же сунул ему конфетку и попытался сбежать!

Альфа не намеревался наступать на те же грабли. Он крепко обхватил пальцами подбородок Янь Но и медленно повернул его лицо к себе.

— Господин Цинь... мпх-х!..

Цинь Чжицзянь не дал хитрому омеге закончить и накрыл его губы своими.

Сладкое, пьянящее чувство мгновенно разлилось по жилам. Стопроцентная совместимость феромонов дарила чистое, ничем не разбавленное блаженство — ощущение, которое Цинь Чжицзянь никогда не испытывал на работе. словно душевную пустоту, которую не могли загладить никакие грандиозные успехи и богатства, вдруг до краев заполнило это единственное, трепетное касание губ.

Сознание понемногу прояснялось. В полудреме у него мелькнула отчетливая, ясная мысль: ему следовало съесть эту восхитительную шоколадку с самого начала.

<http://bllate.org/book/20641/2132502>